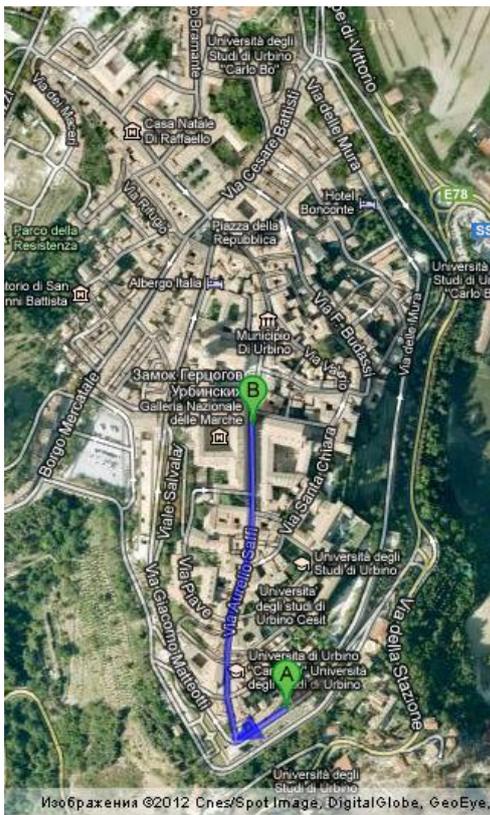

Равенна – Урбино 120 км, 1 час 33 минуты

От Равенны до Перуджи, где мы должны были остановиться на ночь, всего около 190 км, которые можно пролететь без остановок. Но если удлинить маршрут на какие-то 40 км, на нашем пути выстраиваются в затылок Римини, Урбино и Губбио. Разумеется, по этой дороге мы и поехали. Однако, вспомнив, как трудно дались нам три города по пути из Милана в Болонью, решили пожертвовать Римини. Там представляет интерес только Собор, названный по имени заказчика Темпио Малатестиано и построенный (точнее, перестроенный из древнего готического) по проекту Альберти. Перестройка включала не только отделку фасадов в соответствии с принципами Ренессанса, но и замену первоначального хора (алтарной части) центрально-купольной конструкцией, которая должна была сочетаться с древним базиликальным корпусом. Этот проект, хотя и не был завершен из-за сложностей в судьбе заказчика, послужил прототипом многим последующим ренессансным постройкам, в частности, уже виденной нами церкви Санта-Мария-делле-Грацие в Милане, перестроенной Браманте по этому же плану. Так что я не очень сильно переживала из-за этой потери.

Урбино очень сочно описан П. Вайлем. В числе его достоинств – доминирующее над местностью расположение на вершине горы и отсутствие толп туристов (железная дорога далеко, транспорт только автомобильный). Главная достопримечательность – средневековая крепость, вначале небольшая, достройку которой в новом ренессансном духе герцог Федерико да Монтефельтро поручил флорентийским мастерам и славянину из Далмации Лучано Лаурани, чьи вкусы и мастерство формировались в Мантуе под влиянием Альберти. Сейчас крепость-дворец является картинной галереей, которую мы запланировали посетить, остальное время посвятив прогулке по городу. Этот **городишко** (прямой перевод названия), между прочим, является родиной сразу двух гениев – Рафаэля и Браманте. Первый из них воспитывался на живописи своего отца, очень качественной и хорошо представленной в галерее (поэтому мы решили не посещать дом-музей

Рафаэля, где выставлены только работы отца), а архитектурные вкусы обоих формировались под влиянием творения Лаураны.

Дорога от Равенны шла сначала по равнине, затем приблизилась к морю, которого мы не увидели из-за заборов, и отвернула в горы. Плавный совершенно нестрашный серпантин, вокруг – освещенные солнцем холмы, долины с раскиданными деревушками, в общем, покой и благодать.

По указателю свернули с трассы и устроились на маленькой парковке под городской стеной (до большой, указанной в путеводителе и находящейся по другую сторону горы, не доехали). Здесь очертания горы и следующие им городские стены образовывали в плане конус, с вершины которого открывается восхитительный вид на окрестности.

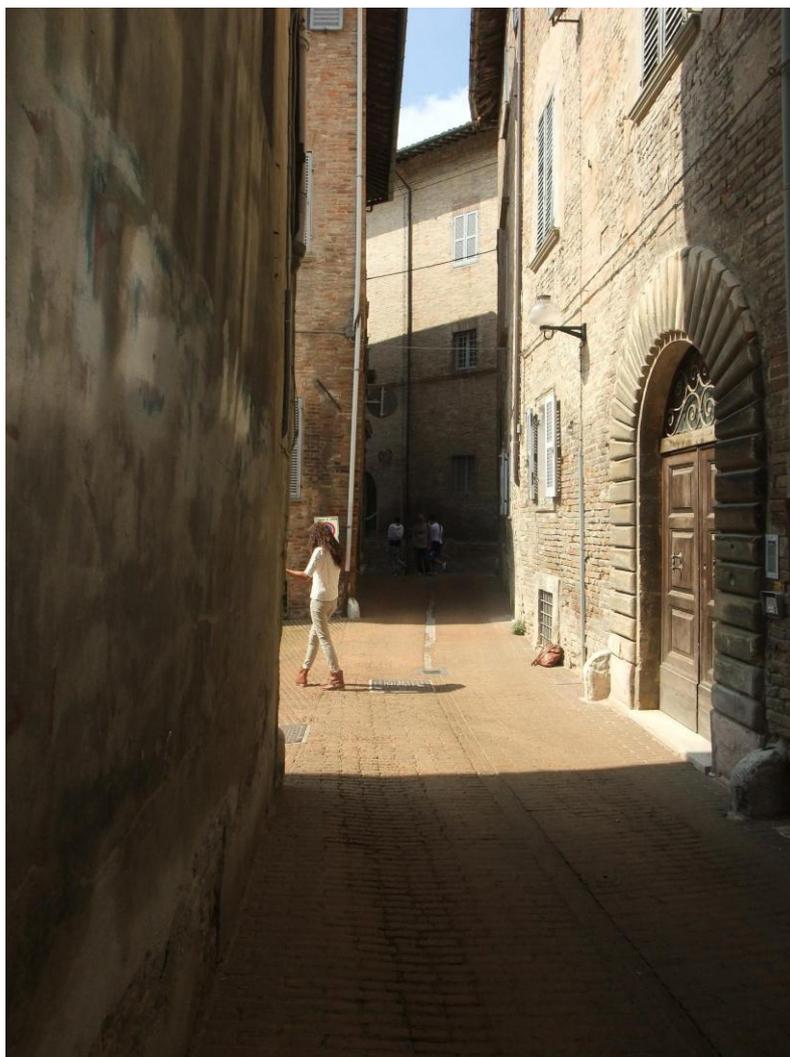
Первая городская улица поразила своей крутизной. Фотографии ни в малейшей степени не отражают угол наклона, так что придется поверить на слово. Она была лишена тротуаров и широка ровно настолько, чтобы пропустить маленький грузовичок, если на ней нет прохожих. Поскольку мы, прохожие, по ней все-таки шли, пришлось прятаться в подворотнях, на боковых улицах или ступеньках церкви, поскольку машины постоянно шли навстречу, причем на довольно большой скорости.

В стороны от нее расходились улицы еще уже, годящиеся только для скутеров, иногда создающие восхитительные перспективы – вот в чем прелесть горного города!

На следующей фотографии девушка в полусапожках, похожих на зимние, ходила кругами по освещенному солнцем пяточку, громко и эмоционально, с выразительной жестикуляцией разговаривая по телефону. Эта мода – зимние сапоги, обычно на голые ноги – широко распространена нынче (по крайней мере в Милане и Болонье). Сейчас ее лицо обращено в сторону – нет, не двора, а того пространства, которое здесь называется площадью (на фотографии рядом).

Наконец улица расширяется и превращается в центральную площадь – piazza Ринашименто. Едва тронутая Ренессансом длинная стена слева, оказывается, и есть герцогский дворец, знаменитое палаццо Дукале.

Между ним и собором с ренессансным фасадом, к которому ведет широкая прямая лестница со скульптурами, –

квадратная площадь Дука Федерико, а в месте соединения площадей – египетский обелиск с римского Пантеона.

Напротив дворца - средневековая церковь Сан-Доменико с ренессансным порталом.

Все это весьма живописно, однако видно, что общая планировка складывалась случайно: она настолько неотрегулирована, что ее невозможно охватить взглядом. Наконец, входим во дворец и сразу оказываемся в знаменитом дворике Лаураны – первом классическом дворике, вдохновившем Браманте на все последующие.

Постигаем ренессансную суть: во-первых, равномерное расположение крупных окон. Во-вторых, ордер: полуциркулярные арки галереи опираются на колонны композитного ордера, и такие же пилястры, расположенные точно над колоннами, разделяют окна второго яруса. Даже видимые вверху мелкие окошки древних частей здания выровнены по размеру и по вертикали точно соответствуют окнам парадных залов, выходящим во двор.

А сам двор – точный квадрат, любимая фигура Возрождения. Все изумительно правильно и гармонично. Полное торжество линейки, циркуля и симметрии.

Для сравнения посмотрите на два других внутренних дворика: отделка фасадов в которых, по-видимому, не завершена.

План здания принадлежит отчасти Масо ди Бартоломео, работавшем раньше Лаураны, бывшим главным архитектором в 1466 – 1672 гг. Лаурана, построивший новые корпуса с интеграцией старых построек, воплотил идею герцога о **городе-крепости-дворце**, и это было **первым в истории воплощением** (помните, нечто похожее построил Виньола для Фарнезе в Пьяченце, но это было на целый век позже).

После него работы продолжал Франческо ди Джорджио Мартини до тех пор, пока они не были приостановлены в 1483 г. со смертью Федерико да Монтефельтро. Позже, уже в начале следующего века, при его сыне герцоге Гвидобальдо да Монтефельтро Джироламо Дженга завершил второй этаж. Не знаю, почему эти места остались незаконченными, но изначально не планировалось полностью перестраивать древнее ядро здания, т.к. оно должно было сохранить свою военную оборонительную функцию, мало сочетающуюся с принципами Возрождения.

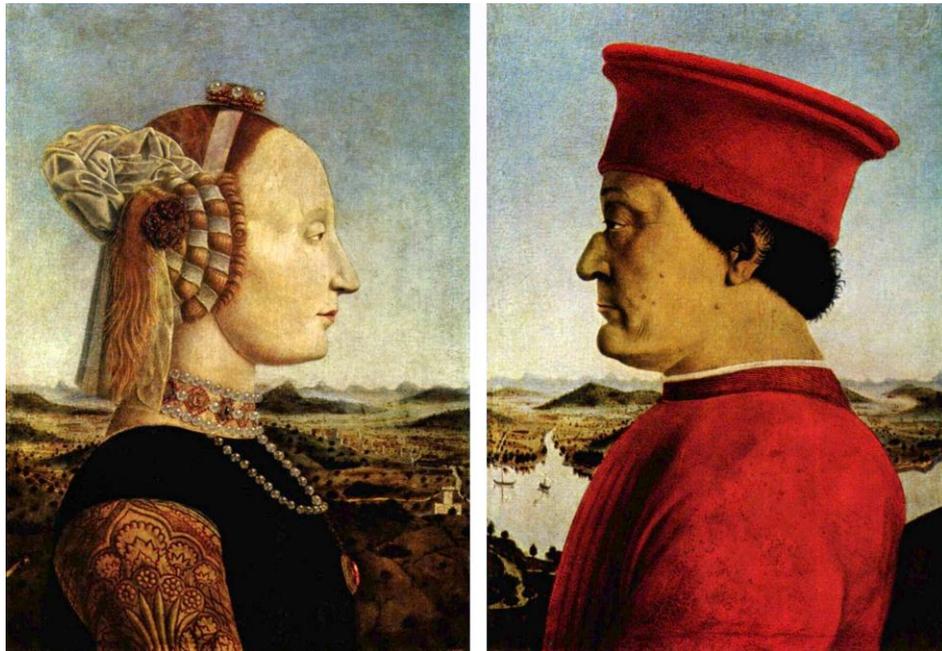
Сейчас, просматривая материалы для этого описания, я поняла, как же мы прокололись с этим дворцом! Главные интерьеры – личный кабинет, оформленную по эскизам Браманте инкрустацией, имитирующей полки с книгами и др., и дворцовые капеллы – христианскую и языческую, покои герцогини с Тицианом – мы так и не увидели. Не нашли указателя, хотя обошли все открытые помещения. Зато увидели множество картин, в основном, ренессансных.

Вот этот прекрасный портрет кисти Рафаэля «Немая», соперничающий с Моной Лизой Леонардо (оставляю комментарии мужу, зная уже, что он напишет). Фотографировать в музее, естественно, нельзя, так что это, как и последующие фото картин из Лувра и Уффици, - из Интернета.

Еще здесь очень хорошие (вопреки всем отзывам) работы его отца Джованни Санти, в высшей степени забавное длиннущее полотно-комикс Учелло, одна работа Луки Синьорелли, но главное, из-за чего одного стоит сюда ехать, - две картины Пьетро делла Франчески.

Этот художник знаменит и почти неизвестен одновременно. Символом Возрождения стал его портрет герцога Федерико да Монтефельтро и его жены Батиста Сфорца, выполненный в бытность художника у него на службе и хранящийся ныне в галерее Уффици.

Остальные его произведения почти неизвестны. Между тем, по мнению О. Хаксли, он «считался бы главным художником Кватроченто, когда б его лучшие работы не хранились в отдаленном Урбино» (из путеводителя). На самом деле здесь только две его работы, остальные – в столь же маленьких городах – Римини, где он был на службе у герцога Малатесты, Ареццо, его родного Борго-Сан-Сеполькро и др. Кроме Уффици одним его полотном

обладает Брера в Милане и одно находится в Лондоне (насчет Лувра – не знаю). Его портреты не отличаются нежнейшей моделировкой и психологической глубиной, присущим работам Рафаэля, но не уступают ему в рисунке и колористике. А в чем он не знает себе равных – это в передаче освещения, перспективы и вообще в «изображении воздуха». Все его композиции, кажется, существуют не на полотне, а в реальном жизненном пространстве. Под конец жизни он занялся написанием книг по обучению законам перспективы – не знаю, чему он научил следующее поколение, мне кажется, это надо чувствовать так, как чувствовал он. При этом лица на его картинах всегда несколько... холодны, сдержанны, словом, малоэмоциональны. И в этом – загадка. А самое загадочное полотно мы как риз увидели здесь: «Бичевание Христа».

Похоже на диптих: справа – одна сцена, спокойный разговор троих мужчин (хотя босой в центре – ангел), слева, вдалеке – само бичевание, тоже с тремя посторонними людьми в спокойных позах и какое-то нереальное, если судить по равнодушному лицу бичуемого и картинной позе бичевателя. Есть версия, что это не Христа бичуют, а св. Мартина, но это ничего не объясняет. А вот другая версия, изложенная в Википедии,

кажется мне единственно верной: это сон бл. Иеронима. Мало того, что сюжет точно соответствует описанию сна, но общее сюрреалистическое содержание, чем-то напоминающее Кафку, очень похоже на то, что бывает в снах.

Наконец взгляд упирается в картину, известную по всем книгам по искусству, картину-символ, вызывающую массу исторических аллюзий – вид Идеального Города. Эта идея – об Идеальном Городе (без тавтологии – никак) – витала в воздухе. Папа Пий II в рассматриваемое время уже занимался ее практическим воплощением, перестраивая деревню, в которой родился, в город Пиенцу по проекту Росселино. Кажется, первым ее выразил Альберти, которого я упоминала как архитектора. Но он был архитектором-любителем, автором проектов, т.к. собственно строительством никогда не занимался. В первую очередь Альберти – философ-гуманист, идеолог Возрождения во всех его аспектах, писатель, теоретик искусства. И, похоже, всерьез считал, что в городе с идеальными пропорциями социальное устройство жизни также будет идеальным. Проекты Идеального Города описывали в своих трактатах все значительные зодчие Ренессанса, а также художники, занимавшиеся архитектурой (в эпоху Возрождения универсализм был обычным явлением – вспомните Леонардо, Микеланджело, Рафаэля, строившего дворцы и собор св. Петра, Браманте, бывшего сначала художником, Брунеллески – ювелира в начале пути и многих других). Так что эта картина приписывалась поочередно Филарете, Альберти, Лаурани и Франческо. Она показывает, каков был идеал с точки зрения лучших и гуманнейших умов эпохи. (Это мой контрабандный снимок, поэтому в стекле отражается свет лампы. Не могла удержаться!).

Другое важное обстоятельство: во дворце герцогов Урбинских картина висит **на своем месте.**

Федерико Мантефельтро был неординарным человеком: талантливый и очень успешный кондотьер, прекрасный организатор-экономист (менеджер по-нашему) и к тому же – ученый (так его называют). Скорее всего, просто прекрасно образованный человек, понимающий значение наук и искусств, меценат, коллекционер рукописной книги (печатных не признавал, считал признаком упадка искусства). Недаром на портрете Бернардино он изображен в двух своих ипостасях: в полном военном облачении и с раскрытой книгой в руках. Его интеллигентность видна даже в тексте его указа, назначавшего Лаурану главным архитектором замка-дворца: в нем прежде всего выражено огромное уважение к зодчему. Видимо, это тоже характерный признак эпохи (вспомните, с кем на равных **дружил** Сфорца – с Браманте и Леонардо. Еще один пример последует ниже). Что являет собой яркий контраст с эпохой Просвещения, на которую, судя по названию, эта традиция должна была бы распространиться. Однако и Гайдн у Эстергази, и К.Ф.Э. Бах при дворе Фридриха Великого творили свои шедевры, а жили на положении слуг и наказывались за всякую провинность. Что уж говорить о крепостных гениях при дворах русских вельмож!

Так вот, Федерико собрал у себя неслабую компанию интеллектуалов: к упоминавшимся именам прибавьте еще с десятков лучших художников. Но подлинным интеллигентом был его сын Гвидобальдо, следующий герцог Урбинский. Несмотря на подагру, которой он страдал смолоду, стал по традиции кондотьером, получил прекрасное образование, преуспел также на дипломатическом поприще и в качестве мудрого и доброго правителя, обожаемого своим народом. Болезнь не помешала ему через год после изгнания из Урбино армией сына папы – Чезаре Борджиа – собрать войска, выгнать захватчика и вернуть власть. Гвидобальдо был меценатом, основал Университет, собрал редкостную библиотеку, опекал юного Рафаэля, благородный характер которого, с восторгом описанный Вазари, вероятно, сформировался под влиянием дружеской атмосферы герцогского двора, и покровительствовал многим другим представителям культуры. Они-то его и прославили: вечера-беседы с просвещенными людьми, главную роль в которых играла его жена Елизавета Гонзага, были описаны в книге диалогов служившего у него (в качестве дипломата) писателя-поэта-гуманиста Бальдассаре Кастильоне «О придворном». Книга воссоздает «картину изысканных обычаев и остроумных бесед итальянского общества времён Возрождения» и рисует образ «передового человека эпохи Возрождения — разносторонне образованного и развитого физически, любознательного, стремящегося к совершенству во всём». Один из ее постулатов состоит в следующем: «Не может быть красоты без добра. Можно сказать, что доброе и красивое – в известном смысле одно и то же». Эта книга была в 16 в. переведена

на все европейские языки и стала своего рода учебником хорошего тона – преподанные в ней правила поведения вошли в употребление всех высших обществ Европы и живут до сих пор.

Вот он, человек, который «совмещал в себе таланты полководца и ученого, и во всей Италии не было государя, более любимого своими подданными», изображенный Рафаэлем (Лувр).

Закончилась история Урбинского герцогства печально. Гвидобальдо умер молодым – 36 лет, как и Рафаэль. У него и его жены не было детей, но они позаботились о наследнике, усыновив племянника из рода Ровере, который стал следующим герцогом. Тем не менее в 1631 г. Урбино вошел в папское государство, а дворец был разграблен: все коллекции и библиотека перевезены в Ватикан, включая декор залов с фрагментами стен. Поэтому нынешнее собрание – то малое, что вернулось и было подарено другими музеями – дает лишь легкий намек на былое богатство.

Мы идем по залам, почти не сохранившим – понятно, почему, - оригинальное убранство, но все же видим те самые стены, своды, оконные и дверные проемы – то место, в котором родился новый мир.

Эстетика пространства, в соответствии с которой до сих пор формируется городская среда, рождалась при Федерико именно здесь, и может быть, именно вид на окрестности из этого окна, служивший фоном многочисленных портретов кисти Франчески, как раз и помог правильной оценке перспективы.

Что еще важнее – то, что здесь при Гвидобальдо родилась новая этика, постулировавшая, что человек человеку друг, которая до сих пор является идеалом. Увы, всего лишь. (Б.К. делает примечание: он не видел другого такого двора (а он, выполняя различные дипломатические миссии, повидал много европейских дворов), где отношение между правителем и подданными строились бы так же, как в Урбино).

Вышли из дворца, побродили по улицам. Кругом многолюдно, но не из-за туристов, сливающихся с толпой. Много молодежи, что понятно: в городе находится университет – тот самый, основанный Гвидобальдо. Более того, в этом захолустье расположен Международный центр изучения итальянского языка. Так что Урбино, бывший центром культуры эпохи Возрождения, поддерживает традиции. Что показалось совершенно необычным, так это отсутствие кафе на площади перед дворцом. Вероятно, все они прятались в сети улиц – для своих, не для туристов, которым давался знак: посмотрел – вали, не засиживайся.

Так мы и сделали. Хорошо, что обратный путь был спуском!

Немного отъехали по дороге вниз под гору, и тут я обернулась... вышли из машины – дух захватило от открывшегося зрелища. Над нами на вершине горы город-дворец демонстрировал свой парадный, неприступный величественный и торжественный фасад, творение Лаураны, мощный мажорный аккорд, символ Урбино, который не смог отобрать ни один папа.

PS. В этой истории-идиллии о двух герцогах Урбинских не хватает еще одного героя (антигероя?), и я была бы не я, если бы не дополнила ее ложкой дегтя, на которую набрела в поисках исторических фактов, пусть даже она имеет лишь косвенное отношение к нашему путешествию.

Нет, образ Гвидобальдо не померк, а вот образ Федерико...

У него был закадычный враг – упоминавшийся здесь вскользь правитель Римини, Фано и Чезены Сиджисмондо Пандольфо Малатеста по прозвищу «Волк Романьи». То, что они, мягко говоря, не дружили, вполне объяснимо: их владения находились рядом, и каждый норовил отобрать у соседа кусок. Вот что предлагает о М. Википедия: «В его глазах брак никогда не был

священным. Он сходилась с замужними женщинами, детей которых раньше крестил, а мужей их он убивал. В жестокости он превзошел всех варваров. Он теснил бедных, отнимал имущество у богатых, не щадил ни сирот, ни вдов; словом, никто во время его правления не был уверен в своей безопасности. Его подданные признавались виновными за то, что у них есть богатства, жены, красивые дети. Он ненавидел священников, не веровал в будущую жизнь и считал, что души людей погибают вместе с телом. Это не помешало ему построить в Риме прекрасный храм в честь св. Франциска. Но он переполнил его языческими произведениями, так что казалось, будто это не христианский, а языческий храм, посвященный языческим божествам. В нем он соорудил гробницу своей наложнице — гробницу из великолепного мрамора превосходной работы, на которой, согласно языческому обычаю, приказал высечь надпись: «Святилище божественной Изотты».^[1]

Ужас! А как же Альберти? А Франческа, работавший у него до Федерико и написавший вот этот его портрет (Лувр)?

Неужели эти гуманисты служили такому монстру? Как-то сомнительно...

Нет, ангелом он не был, точно. Был лжив, вероломен и коварен. Имел множество любовниц и кучу внебрачных детей, пятерых из которых (от

любимой женщины, впоследствии жены) легитимизировал через папу, остальных просто содержал. Ничего удивительного по тем временам: никто не ставит в вину Федерико наличие четырех детей от разных женщин при наличии живой жены. Насчет убийства мужей – ничем не подтверждается. Еще ему ставят в вину отравление первой жены и удушение второй. Однако, по другим источникам, первая умерла своей смертью, а вторая поселилась в монастыре, чтобы не видеть отношений мужа с любовницей (будущей третьей женой), и там умерла во время эпидемии чумы. Другая вина – растление малолетний: связь с 13-летней девочкой. А сколько было Джульетте? – 12 лет! Ему самому в период этой связи было примерно столько же. И именно эту любовь он пронес через всю жизнь, именно эта девочка стала его последней третьей женой. Почему не первой? – а кто его знает, может, родители не хотели... Еще в молодые годы Изотта Деи Атти приобрела для себя саркофаг и установила его в капелле, которую любящий муж выкупил у собора и стал отделять ее с необыкновенной роскошью и вкусом. Изотта была хорошей женой. Она была в курсе дел мужа, управляла городом во время его походов и пользовалась уважением населения. Она пережила Сиджисмондо на 6 лет, в течение которых в почете продолжала жить в Римини при наследнике – сыне от второго брака.

Насчет жестокости, притеснения бедных и богатых – вообще голословно. Никаких упоминаний ни про жестокость, ни про особую доброту нет. То, что, будучи неверующим, решил тем не менее создать храм, посвященный наиболее любимому народом святому, по-моему, делает ему честь, т.к. в этом случае он делает то, что велит долг. Вообще по характеру текста видно, что составил его святоша – и правда, это писал папа Пий II – заклятый враг Малатесты, который стал его травить, едва взобравшись на папский престол.

Малатеста был «Один из самых талантливых итальянских кондотьеров своего времени». Лишь раз потерпел поражение – когда тот же папа собрал огромное войско и отдал его под командование Монтефельтро. Малатеста защищался

силами своих земель и потерял все владения, кроме Римини. Но начинал он свою карьеру кондотьера именно на папской службе. «Сиджизмондо стал одним из самых способных и доблестных капитанов и был назначен папским хоругвеносцем Святейшего Престола в 1435 г.». Впоследствии часто менял работодателей, что опять же было вполне естественно: профессия это допускала – никто ведь не ожидает, что наемные войска будут воевать бесплатно, и если по отношению к ним обязательства не выполняются, они уходят под другой патронат. Так и случилось, когда Арагонский король с ним не расплатился – он ушел воевать против него на стороне Флоренции, чем заслужил вечную благодарность ее жителей. Однако король посчитал, что с королем так не поступают. И припомнил это позже. И Пий II решил с ним покончить, чтобы не ссориться с королем. Были и другие причины для ненависти, в частности, война против Сиены. Отлучение от церкви включало сожжение нескольких «чучел» Малатесты в Риме, куда тот, естественно, не прибыл для участия в церемонии, послав лишь скупые извинения. Всего он был отлучен от церкви 5 раз и столько же восстановлен. В общем, в этой травле, ведущейся по политическим мотивам нечистыми методами, папа – тоже как бы гуманист, строивший свой Идеальный Город (Пиенцу), показал себя злобным и мелочным интриганом и клеветником. Что его совершенно не красит. А Федерико – что ж, он подсуетился и добил конкурента, воспользовавшись конъюнктурой, что для кондотьера вполне естественно. Такие нравы. Только с идиллическим образом как-то не сочетается.

Так что не был Малатеста ни Синей Бородой, ни особенно жестоким злодеем. А, напротив, человеком поэтического склада, писал стихи (естественно, посвященные любимой), и собрал великолепную библиотеку. «Умный и щедрый меценат, он окружил себя такими архитекторами, художниками и писателями, как: Леон Баттиста Альберти, Маттео дей Пасти, Брунеллески, Пьеро делла Франческа, Агостино ди Дуччо, Роберто Валтурио, Басинио да Парма, Тобиас дель Борго и др.» (ГДЕ-ТО МЫ ЭТО УЖЕ СЛЫШАЛИ, НЕ ТАК ЛИ?). «...был хорошо образован, ценил науки и искусства, держал при своем дворе гуманистов и поэтов и сам писал стихи, вел широкое строительство, по его заказу была спроектирована Альберти церковь Сан Франческо в Римини, шедевр ренессансной архитектуры, украшенная Агостино ди Дуччо и Пьеро делла Франческа, который на одной из фресок храма

поместил портретное изображение Сиджизмондо Пандольфо М.». Вот вам и третий пример сотрудничества между правителем и интеллигенцией.

Что меня поражает, так это параллелизм судеб Федерико и Сиджисмондо. Оба – незаконные дети правителей, признанные позже.

Различие 1: Малатесту признал не родной отец, который рано умер, а его брат, родной дядя, правитель Римини.

Федерико пришел к власти после убийства (неизвестно, кем) сводного брата, сына предыдущего герцога от законного брака. Братец за год правления успел многое разбазарить и разорить. Так что Федерико, хороший правитель, пришелся кстати. (Аналогичная история – Павел I и его сын Александр). Сиджисмондо также унаследовал власть после двухлетнего правления своего брата. **Различие 2:** брат был не сводный (у дяди не было детей), а родной. **Различие 3:** его никто не убивал – он с детства был сдвинут на религии и просто ушел от мирской жизни в монастырь, оставив власть 14-летнему Сиджисмондо. Вообще «малатеста» означает «дурная голова» – такое прозвище получил основатель рода в 10 в. В роду постоянно прослеживается «дурь» двух типов – в виде фанатической религиозности и в виде необыкновенной храбрости и бесшабашности, вкупе с презрением к существующим канонам поведения. Именно эти два типа и представляли собой родные братья.

И Федерико, и Сиджисмондо с детства изучали военное дело и были выдающимися, талантливейшими высокопрофессиональными кондотьерами. Оба тянулись к образованию, обладали хорошим вкусом, ценили искусство и тратили кучу денег на строительство и библиотеки (кроме собора Малатеста также построил замок в Римини). Оба окружали себя художниками-гуманистами, великолепными умами эпохи. Никаких различий!

Согласитесь, у них больше общего, чем различного. Черт возьми, зачем они воевали?! Или все же различие № 3 сыграло свою роль?

Еще одна деталь, возможно, не имеющая отношения к делу: «В 2003 году профессор М. Симонетта, расшифровав письмо герцога Урбино своим представителям при

папском дворе, пришёл к выводу, что организатором заговора Пацци против Медичи был не папа Сикст IV, а Федерико Монтефельтро». Так кто из них больше дьявол? И почему Лаурана покинул герцога, не достроив дворец? Мог бы до конца жизни работать в почете и уважении! И похож ли на гуманиста человек, изображенный Франческой под именем Федерико? *(Хм, у меня человек, организовавший заговор против Медичи, вызывает, скорее, симпатию. Семейка была та еще – более одиозной были только Борджиа... Хотя у Медичи разные были представители – тот же Лоренцо Великолепный).*

Наследники Малатесты утратили владения в 1628 г., за три года до разгрома Урбино, когда Римини вошел в Папскую область. Так что – конец тоже совпадает.

Маленькое добавление-наблюдение о роли физической географии в истории. Стены Урбино были крепки, в гнездившиеся там герцоги – отважны. Вот еще и среди населения популярны, науки и искусства развивали, а тем временем во Флоренции гвельфы с гибеллинами друг друга поедом ели... А вот славы и расцвета все же достигла столица Тосканы. Мне кажется, что отчасти здесь дело в противоречии между задачами города-крепости (в горах на ограниченном пространстве) и перспективами развития – предпочтительно у реки или моря, на равнине, с возможностью расширения. Да, на каком-то этапе город в танконедоступной местности дает преимущества в выживании, но для перспективы оказывается, что лучше уж быть на перекрестке всех нашествий, но на пути торговли и обмена. Вот Урбино и остался захолустьем, куда туристы забредают только хорошо физически подготовленные да вот студенты молодые по этим невероятным крутояркам козликами на лекции скачут...